

следа. Оно было поглощено ужасной неэкономностью государственного управления, недостаточно контролируемого, и расходами на политическую агитацию, целью которой было во что бы то ни стало в целом свете разжечь революцию. Революции до сих пор нигде нет, зато, однако, миллиарды народных денег исчезли навсегда.

На заграничные кредиты тоже нельзя рассчитывать, так как сегодня никто большевицкому правительству ничего не даст. И вот остается только единственный способ добыть те огромные деньги, в которые обходится советское хозяйство; насильем выдрать последний грош у населения, потому что от внутренних займов, от которых население теперь уже с омерзением отворачивается, нельзя ничего ожидать. Это единственная из главных причин, почему советское правительство так решительно взялось за истребление „кулаков“. Деньги отчаянно нужны, а негде их взять. Потому набрасываются на все, что попадет под руку. Организуют „ударные рабочие бригады“, которые ночью нападают на спящих обывателей и отбирают у них деньги, драгоценности, в конце концов обручальные кольца и вырывают золотые зубы. Россия перед войной была так богата, что и теперь еще, при состоянии обнищания, можно у населения много чего еще отобрать насильем. Поэтому над несчастными „кулаками“, которых около 7—8 миллионов, совершается такое возмутительное бесправие, что они из своей прежней зажиточности

еще кое что сохранили. Это последние остатки бывшего богатства, но одновременно и последний источник внутренних доходов.

Крестьяне в СССР скоро перестанут существовать как самостоятельное сословие, будут загнаны в общие казармы, где будут постоянно на глазах чекистов, умышленно между ними помещенных. Они станут только земледельческими рабочими, выданными на милость и немилость советам и работающими им за стол и квартиру. Несмотря на то, что им обещано из доходов колхозов по покрытии издержек, налогов, разных отчислений и амортизаций, выдавать какой-то процент в деньгах или талонах на товары, можно себе легко представить, много ли при таком сложном, дорогом и к постоянному дефициту обреченном хозяйстве они могут получить. Печальнее всего при этом то, что своей рабской работой, перед которой бледнеет и бывшее крепостничество, крестьяне должны будут содержать и советских опричников, которые будут их караулить.

Из свободного народа постепенно образуется бесчисленная масса несчастных, безвольных рабов, не имеющих никакого влияния на устройство своей собственной жизни.

Под предлогом социалистического государства в России будет воскрешен новый абсолютизм, более жестокий, чем все прежние, тираном которого будет новый Иван Грозный.

(Чешская газета „Народная политика“).

Казачья пресса.

Журнал „Родимый Край“.

(Отдел литературный).

Нет сомнения, что редакция „Вестника Казачьего Союза“, переименованная этот, чисто информационный, типа бывших „Донских Областных Ведомостей“, орган названием популярного, поэтического произведения казачьего писателя и превращая его в журнал с историческим и литературным отделом, имела в виду оживить самый журнал во-первых, и сосредоточить вокруг себя казачьи литературные силы, во-вторых. В настоящей краткой заметке я постараюсь беспристрастно разобраться в литературной части „Родимого Края“.

С возникновением литературного отдела и некоторым, чисто внешним, упорядочением, журнал, действительно, стал лучше выглядеть и разнообразнее по содержанию. Но главное, собиравшие и сплоченные вокруг себя кадры казачьих литераторов, определенно не удалось.

Достаточно прочитать весь литературный материал всех 13 номеров, чтобы убедиться в этом. Из тридцати с лишним имен, только двое появились по третьему разу, при чем один из них постоянный сотрудник „Вольного Казачества“, и шесть по второму разу (один из них тоже постоянный сотрудник „В. К.“). По моему, это свидетельствует или о том, что имена эти по отношению к литературе носят слишком случайный, эпизодический характер, и тогда нет в литературном отделе „Р. К.“ литераторов, или о том, что они, литераторы, не находя в идее и направлении журнала захватывающих их моментов, подвержены текучести, не связаны крепко с журналом.

Кроме этого, в „Родимом Крае“ явно наблюдается еще одно явление: в журнале ясно уловима разногласия не только между политической и литературной его частями, но даже в самом литературном отделе.

Ведь ни для кого не новость, что все части всякого, имеющего ясное и определенно выявленное идейное лицо, печатного органа должны быть одного и того же направления; все сотрудники его, объединенные общностью стремлений, каждый по своему, так сказать, каждый на своей дудке, должны дуть в одну, они бывают одержимы одним пафосом, дающим направление их творчеству. В „Родимом Крае“ как раз этого и нет.

Редактор Н. М. Мельников, в передовице первого номера, дает руководящее направление направлению

журнала, где говорит: „Заострения политических вопросов будем избегать. „Р. К.“, как орган общественной казачьей организации — Казачьего Союза, будет идти к той же цели, которую поставил себе Казачий Союз: к объединению казачьих масс на том основном, что должно быть дорого каждому казаку. Казачий быт и история, казачьи права и вольности,*) в связи с обязанностями к России“. Направление, как видно, из типа: „нашим и нашим“, — чтобы и вольность сохранить и об обязанности к России не забыть. Но не то поют литераторы „Родимого Края“, здесь есть два течения и очень даже определенные.

В одном из номеров Владыкин истерически вопит: „Я сй пойду служить — России!. Горжусь!“ и т. д., а рядом П. Крюков: „Пробудят от сна их Баяны-пенцы, напомнят Казацкую**) Волю“. Там Кручинин слезливо: „Русь ты моя, Русь сермяжная... родимая... несчастная! Кто пожалеет тебя, кто приласкает тебя, моя бедная!“, а здесь Губарев: „Но веря в грозный час, я шлю моления Богу, и знаю — Дон взметнет волну из берегов, я смоет цели все и новую дорогу проложит для измученных сынов“. То Никишин шлет стихотворение:

„Не брани казака — говорит Каледин казаку Ермаку
Атаману,
Все давно восстали за Дон, как один, я уж смыли
позорную рану.
О, прости ему все, дед могучий Ермак, все они, казаки
искупили...
Посмотри вон, на север: там бьется казак! Мы давно
уж все простили ему.
И на север взглянул удивленный отец — слезы хлынули
бурно ручьями,
И, крестясь, прошептал он: „Прощаю Донец“, чист
душою ты теперь перед нами“.

То Томаревский:

„Эту веру в Россию живую, в ее новые лучшие дни,
Эту веру, как тайну святую, в своем сердце хранят
То Климов: казаки“.

„Я хотел бы обнять дорогую мне мать,
И сказать ей „прости“. Знать такая
Судьба мне дана, должен был воевать,
Волю, честь казаков защищая“.

*) Разбивка моя. С. Б.

***) Разбивка автора. С. Б.

В такой разногласии не мудрено, что попадают гуда и наши вольные казаки и твердят вроде: „Бог простит... Казак Дону не изменщик“. На желание редактора не затрагивать политических вопросов В. Крюков, устами рядового казака, отвечает, что, мол, от политики нам не уйти, уж слишком большой дозой она вошла нам в 17 году, что без политики нельзя, иначе все на свете прозвевает. Видимо „права и вольности казачьи“ плохо уживаются в казачьих сердцах с одновременными „обязанностями к России“ и сотрудники журнала пошли каждый „своими путями“. Редактор журнала или не может дать журналу направляющего тона, не справляется с своей обязанностью дирижера журнального хора, или, не располагая достаточным запасом, не имеет возможности делать выбор литературного материала и печатает, что попадается.

Все сказанное относится к идейному направлению литературной части „Родимого Края“, к мотивам литературных переписок, что касается действительной литературности материалов этого отдела, то положение еще больше заставляет желать лучшего. Если выделить вещи двух вольных казаков (Кундрюшкова и П. Крюкова) — и своеобразные, всегда метко схваченные рассказы из казачьей жизни В. Крюкова, то все остальные имена очень мало причастны к литературе, за редкими очень исключениями. Большая часть вещей литературного отдела „Родимого Края“ состоит из слабых подражаний, порой даже пускающихся на перефразировку. Например, кто не угадает, кем и чем пахнут такие творения: „Хорош Дон при тихой погоде, когда мягко и плавно несет он воды“ и т. д. Или:

„Пирует Царь Петр и дружина его
На берегу Дона седого,
И старое бочками льется вино,
По случаю ваятия Азова.“

Пожалуй, забавными могут считаться помещаемые в литературном отделе предания о происхождении прозвищ казачьих станиц, это не только забавно, но порой и интересно, но если в этой области тоже начинают пересаливать то это уже хуже. Например, кал-

мыцкие станицы никаких прозвищ не имеют, наверно потому, что они более позднего происхождения, а „Родимый Край“ допускает такую оплошность, как печатание, кем-то вымышленных анекдотов про калмыков, как прозвища станиц. Это неправда.

Между прочим в одном из номеров „Р. К.“ есть характерный рассказ-быль из далекого прошлого Казачества: — Верный слуга матушки царицы и России Атаман Ефремов, по ложному доносу, без суда и следствия насильно увозится в Петербург и там сажается в тюрьму на цепь. А когда выяснилась полная безгрешность Ефремова, Екатерина пожелала наградить Атамана. Атаман от подарка отказался и взамен попросил у нея на память ту самую цепь, которой он был приязан, чтобы помнить, как награждает Россия своих верных слуг. Это не литературное творчество, а просто передача семейной хроники (рассказ пишет Ив. Ефремов, видимо один из потомков того Атамана). Но тут ясно вырисовывается олицетворение России и Казачества.

Давно известно, что литература — душа народа, потому что она всегда отражает в себе его судьбу, его мысли и чаяния, все то, чем живет, что несет в своей душе в данный момент данный народ. Чуткая душа поэта живо и остро переживает горе или радость своего народа и спешит выжить свое переживание в своем творчестве. Говорят, что подлинная литература вне данной обстановки, вне связи с окружающей действительностью, но, несмотря на такое определение, главная масса литературных произведений всегда отражает пережития в судьбе народа своего времени и именно эта часть литературы бывает наиболее популярна в народе.

Несоответствие душевному настроению казачьих литераторов идеи и стремления журнала „Родимый Край“, по моему, и есть причина слабости литературного отдела этого журнала. Слишком половинчатая и неопределенная задача его является причиной, что вокруг него нет сплоченного ядра казачьих литераторов.

С. Балыков.

Казачья эмиграция.

Праздник Христова Воскресения у Вольных Казаков в Праге.

По примеру прошлых лет, редакция „Вольного Казачества“ устроила и в этом году для ближайших своих сотрудников, живущих в Праге, совместное разговение. Много живых воспоминаний навевала эта ночь, когда, в ожидании ушедших ко всенощной, оставшаяся часть, приготовив все для Пасхального стола, терпеливо дожидалась конца службы...

Комната редакции с трудом вмещала друзей, когда с возвращением молившихся приступили к традиционному разговению. Редактор журнала И. А. Билый первый поднял бокал и произнес: „Христос Воскрес, воскреснет и Казачество“. „Воистину“... — был дружный ответ всех гостей...

Много раз, в различных обществах и в разных условиях приходилось встречать этот лучший из христианских праздников, но в такой теплой, дружной, непринужденной обстановке редко приходилось; чувствовалось, что наконец у казака есть своя семья, в которой чувствуешь себя, как дома, как равный член его семьи...

Уютная и скромная обстановка, хорошо спаянная компания, непринужденное оживление, дружная, товарищеская беседа на всех концах стола — были характерными чертами этой, Вольно-Казачьей общей встречи праздника.

Праздник в общем настолько хорошо удался, что гости незаметно просидели до утра и разошлись по домам только тогда, когда запылала заря на востоке.

Хорошо было бы, чтобы и всюду, где есть наши Вольные казаки так бы собирались в таких случаях и проводили праздники. Такие моменты больше всего

сближают и сплавляют общество, в нам, вольным казакам, необходимо быть дружными и сплоченными, ибо слишком ответственна взятая нами на себя задача.

Ш. Н.

„История Казачества“.

Вышла из печати и поступила в продажу книга Ис. Ф. Быкадорова „История Казачества“ кн. I.

Каждый казак, который интересуется прошлым казачества и его происхождением, приобретет эту книгу. Обращаться в редакцию „В. К.“.

Цена книги: в Ч. С. Р. — 20 к. ч., во Франции — 20 фр., в Югославии — 35 динар, в Болгарии — 50 лева.

Подебрадская Кубанская колония.

(Чехословакия.)

Подебрады представляют из себя небольшой, очень чистенький чешский курорт, который лежит на реке Labe, на железной дороге в 50 км. от Праги. Подебрады очень старый чешский городок, имеющий в данное время около 7.000 жителей. Название города Подебрады происходит от слова „под бродом“, потому что возле старого подебрадского замка, который стоит и по настоящее время, был брод-переправа через р. Labe; возле этого брода, или „под бродом“, чешский король Юрий из Подебрад вокруг своего замка построил город Подебрады.

Последние 30 лет Подебрады известны по всей Чехии благодаря своей минеральной воде, как небольшой чешский курорт, где лечатся углекислой минеральной водой от болезни сердца. В данное время в Поде-